

О ВЕРОЯТНОЙ СВЯЗИ ГРУППЫ БЕРЕСТЯНЫХ
ГРАМОТ XII — НАЧАЛА XIII в. С ПОСАДНИКАМИ
ИВАНКОМ ЗАХАРЬНИЧЕМ
И ГЮРГИЕМ ИВАНКОВИЧЕМ

Среди берестяных грамот, найденных на Неревском раскопе в слоях второй половины XII — начала XIII вв., имеется несколько таких, которые допустимо связывать с посадниками Иванком Захарьничем и Гюргием Иванковичем.

Рассмотрим вначале сообщения летописи об этих лицах. Согласно летописи, Иванко Захарьнич занимал должность посадника дважды — первый раз в 1171 г., второй раз в 1172—1175 гг.; умер он в 1175 г.¹ Гюргий Иванкович был посадником в 1215—1216 гг. В 1217 г., когда князь Мстислав ушел из Новгорода в Киев, он взял с собой Гюргия Иванковича, Сбыслава Степанича и Олексу Путиловича.² После этого Гюргий Иванкович в летописи уже больше не упоминается.

В. Л. Янин в книге «Новгородские посадники»³ характеризует этих политических деятелей так. Иванко Захарьнич принадлежал к политической группировке, ориентированной на черниговских князей, а затем на Ростиславичей. Предположительно может быть отнесен к Софийской стороне⁴ и более узко к Неревскому концу.⁵ Гюргий Иванкович — вероятно, сын Иванка Захарьнича, неревский боярин; он принадлежал к той же политической группировке, что и Иванко Захарьнич.

С нашей точки зрения, принадлежность Иванка Захарьнича к Неревскому концу с определенностью вытекает из следующего сообщения Новгородской I летописи, данного под 1177 г.: «Томъ же лѣте осень погоре Неревьскыи коньць от Иваньковее;»⁶ т. е. пожар начался от двора Иванковой вдовы. Речь явно идет именно о вдове, поскольку в противном случае двор был бы назван по мужу, а не по жене. Как мы знаем, Иванко Захарьнич умер двумя годами раньше, в 1175 г. Ни о каком другом Иванке, кроме Иванка Захарьнича, в этой части ле-

¹ НПЛ. С. 34—35.

² Там же. С. 53—57.

³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 106.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ НПЛ. С. 35.

тописи речи не было, поэтому связать Иванковую можно только с ним (заметим, что летописец не дает никаких уточнений при имени Иванкова, т. е. исходит из того, что ее покойный муж всем хорошо известен). Понятно, что после смерти хозяина двор обозначен уже не по его имени, а по имени вдовы. Что касается Иванкова сына Гюргия, то он в это время, вероятно, был еще слишком молод, для того, чтобы двор сразу стали называть по его имени (в самом деле, он стал посадником лишь почти сорок лет спустя после этого события).

Все интересующие нас здесь берестяные грамоты происходят из ярусов 16—19 Неревского раскопа. Принятая издателями грамот Неревского раскопа дендрохронологическая датировка этих ярусов такова: ярус 19 — 1134—1161 гг.; ярус 18 — 1161—1177 гг.; ярус 17—1177—1197 гг.; ярус 16—1197—1224 гг. Однако на нынешнем уровне развития дендрохронологии стало ясно, что указанные датировки ярусов Неревского раскопа нельзя принимать слишком буквально, т. е. действительно с точностью до года. Главная причина состоит здесь в том, что количество спилов на Неревском раскопе для большинства ярусов слишком мало (отсюда неполнота данных о реальном разбросе дендродат) и чрезмерно велики расстояния между точками спилов. Кроме того, в некоторых случаях обнаруживаются погрешности в привязке той или иной грамоты к конкретному ярусу. С целью устранения этих погрешностей П. Г. Гайдуков провел тщательную проверку полевой документации по всем рассматриваемым ниже грамотам; в результате он внес некоторые поправки в привязку части грамот к ярусам. Ниже датировки грамот приводятся уже с учетом этих поправок.

Поскольку, как ясно из сказанного, к дендрохронологическим датировкам неревских грамот необходимо относиться с определенной осторожностью, любая возможность связать данные этих грамот со свидетельствами летописи приобретает дополнительный смысл как важный способ проверить результаты археологического датирования.

Мы предполагаем, что с названными выше посадниками можно отождествить Иванка и Гюргия, которые выступают в качестве адресатов почти всех берестяных писем, найденных на усадьбе К Неревского раскопа в ярусах 18—16 (усадь-

⁷ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. С. 5.

ба К располагалась на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц, к востоку от первой и к югу от второй).

Рассмотрим вначале письма, связанные с Иванком.

Грамота № 226 (усадыба К; по П. Г. Гайдукову, ярусы, 17—18 с возможным предпочтением 17-го). Письмо сильно повреждено. В адресной формуле имя автора утрачено, сохранилось лишь... [Я]ние ко [И] (в) аноку и ко Мирошь[к]..., т. е. «поклон (покланяние) к Иванку и Мирошке». Адресная формула с почтительным словом (в данном случае покланяние) в XII в. встречается еще сравнительно редко — почти всегда в письмах к лицам более высокого социального положения, чем автор. Еще более показательно в этом отношении слово (г)осподина, фигурирующее в тексте грамоты (по-видимому, обращение: «два господина»): в XII в. именование адресата господином — исключительно редкое явление. Из обрывков текста можно, в частности, понять, что автор выполнил какую-то порученную ему проверку и что речь идет о полюдье. Таким образом, письмо посвящено делу государственного характера, и автор обращается к адресатам предельно почтительно. Особый вопрос (который мы здесь не будем рассматривать) состоит в том, можно ли видеть во втором адресате письма Мирошку Нездинича. Отметим лишь, что, даже если это действительно так, Мирошка в момент написания данной грамоты еще не был посадником, иначе он был бы назван первым.

Грамота № 117 (мостовая Великой улицы между усадьбами А и Ж; ярус 19). От письма сохранилась по сути дела одна лишь адресная формула: ...от Стъпана ко Иванкоу. Письмо найдено на мостовой довольно далеко от усадьбы К; возможно, Иванко разорвал его на ходу.

Грамота № 80 (усадыба Б, ярус 17; обнаружить эту грамоту в чертежах П. Г. Гайдукову не удалось). Это маленький фрагмент: ...а ко Иванкоу пос... Реконструировать этот фрагмент можно по-разному, в частности: «а к Иванку пошли (послал)...» или «от такого-то к Иванку. Пошли (послал)...». Надежно лишь само упоминание Иванка.

Другая группа писем связана с Гюргиём.

Грамота № 222 (усадыба К, ярус 16). Это письмо от Матея к Гюргию, сохранившееся почти целиком. Даем его в переводе: «От Матея к Гюргию. Теперь я пришел. Вот из-за чего я не шел: встречу тебя... (следует лакуна в три-четыре слова). Если же в самом деле они (из-за лакуны неясно, кто) запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому что они поставили меня

(подразумевается, своим заперательством) в положение вора. Если колбяги не бежали, в твоём распоряжении жеребьи (т. е. доли), деньги по людям (т. е. деньги, которые различные люди должны), нет тут тебе убытка ни единой векши». Из этого письма во всяком случае ясно, что Гюргий является административным лицом (возможно, довольно высоким).

Грамота № 225 (усадыба К; по П. Г. Гайдукову, ярусы 17—18 с предпочтением 17-го). Это письмо, у которого утрачена правая половина, поэтому связный перевод здесь невозможен. По-видимому, письмо было посвящено каким-то имущественным делам. Из сохранившейся части грамоты ясно, что адресатом был Гюргий, автором — Торчин. В тексте письма упоминается Михаль.

Грамота № 239 (мостовая Великой улицы между усадьбами К и И; по П. Г. Гайдукову, ярусы 18—19). От письма сохранилась лишь адресная формула: Жадька и Степана кб Гюргю.

Грамота № 165 (усадыба Б, ярус 17). Письмо, сильно поврежденное, гласит: **От Миха(л)я ко Стыпану. Гюрег [и ти п] ошьле с то... ..е, а Путила пришьле, а товаро продале, а б... «от Михалья к Степану. Гюргий поошел (не исключено, что далее читалось «с товаром»); а Путила вернулся, а товар он продал...».**

Существенно то, что большинство участвующих или упоминаемых в этой переписке лиц выступает также и в некоторых других грамотах. Это позволяет полнее выявить взаимоотношения всех участников переписки и дает дополнительные основания для уточнения датировок.

Так, заметной фигурой в рассматриваемом комплексе документов является Степан. По-видимому, он был (по крайней мере, в эпоху яруса 17) хозяином усадьбы Б (расположенной на перекрестке Великой и Холошьей улиц, к востоку от первой и к югу от второй). Здесь он получает письмо № 165 от Михалья. С другой стороны, он посылает письмо № 117 Иванку и совместно с Жадком — письмо № 239 Гюргю (см. все эти письма выше). Кроме того, он упоминается в грамоте № 231 (усадыба К, ярусы 17—18; обнаружить грамоту в чертежах П. Г. Гайдукову не удалось), где некий Твердила требует от Да... (конец имени утрачен) выплатить определенную сумму Степану.

Со Степаном тесно связан Михаль. Он пишет Степану письмо № 165. На усадьбе Б, т. е. на усадьбе Степана, найдена также грамота № 79 (ярус 17); **А водаі Михалеви.** Это ярлычок при какой-то вещи, которую нужно было передать Миха-

лю. Михаль упоминается, кроме того, в письме № 225 от Торчина к Гюргию.

В определенных деловых отношениях со Степаном, Михалем и Гюргием находился также Путила, упоминаемый в письме № 165.

Еще одна фигура из этого круга — Жадко. Он вместе со Степаном пишет Гюргию письмо № 239. Он же упоминается в важном письме № 235 (усадыба Д; по П. Г. Гайдукову, ярус 18).

Даем его в переводе: «От Судиши к Нажирю. Вот Жадко послал двух судебных исполнителей, и они ограбили меня за братний долг. А я не поручитель [за брата] перед Жадком. Запрети же ему, пусть не посылает на меня стражи... Еду в...». Очевидно, Жадко обладал определенной административной властью, хотя и меньшей, чем Нажир.

Участие рассмотренных выше лиц в переписке можно схематически представить в виде следующей таблицы.

Т а б л и ц а

Номер грамоты	Усадьба	Ярус	Иванко	Гюргий	Степан	Михаль	Путила	Жадко
117	А/Ж	19	адресат		автор			
226	К	17—18	адресат					
80	Б	17	адресат или упоминаемое лицо					
235	Д	18						упоминаемое лицо
231	К	17—18			упоминаемое лицо			
239	К/И	18—19		адресат	автор			автор
225	К	17—18		адресат		упоминаемое лицо		
165	Б	17		упоминаемое лицо	адресат	автор	упоминаемое лицо	
79	Б	17						
222	К	16		адресат		адресат (?)		

Как можно заметить, жители усадьбы К (Иванко, Гюргий) обнаруживают наиболее тесные контакты с усадьбой Б, а именно, со Степаном и каким-то образом связанными с ним Михалем и Путилой (усадыбы К и Б располагались на Вели-

кой улице почти рядом, между ними находилась одна лишь усадьба Е).

Попытаемся теперь приблизительно оценить время участия каждого из рассмотренных лиц в дошедшей до нас переписке (стремясь, насколько это позволяют стратиграфические датировки, минимизировать соответствующий интервал).

Иванко: ярусы с 19 по 17. При максимальном сужении это дает интервал — конец 50-х—70-е гг. XII в.

Гюргий: ярусы с 18 по 16. При соответствующем сужении это дает интервал — последняя четверть XII — начало XIII в.

Прочие лица. Степан: ярусы с 19 по 17 (тот же интервал, что для Иванка). Михаль и Путила: ярус 17. Жадко: ярус 18 (или 19 и 18).

Полученные результаты достаточно хорошо согласуются с известными из летописи датами жизни и деятельности Иванка Захарьинича и Гюргия Иванковича. Правда, если исходить из совершенно буквального понимания полученных на Неревском раскопе дендрохронологических датировок, дата смерти Иванка Захарьинича (1175 г.) должна была бы исключить отнесение к этому лицу грамоты № 80 (из яруса 17, начинающегося с 1177 г.). Однако из сказанного выше о реальном характере дендродат ясно, что это ничтожное несоответствие не имеет значения.

Вернемся к летописи. Когда в 1217 г. Гюргий Иванкович был вынужден уйти из Новгорода в изгнание, за ним последовали два боярина, которые носили отчества Степанич и Путилович. Естественно видеть в них сыновей тех самых Степана и Путилы, которые на 30—40 лет раньше находились в тесном контакте с Иванком и Гюргием. Эта деталь оказывается как бы последним штрихом, до предела уменьшающим вероятность случайного совпадения между набором имен, выступающим в летописи и в рассмотренных здесь грамотах.

В заключение заметим, что изложенные выше наблюдения могут служить также весьма ценным для археологов дополнительным подтверждением того, что дендрохронологические датировки, несмотря на несомненное наличие отдельных погрешностей, в целом все же достаточно хорошо согласуются с летописными свидетельствами.